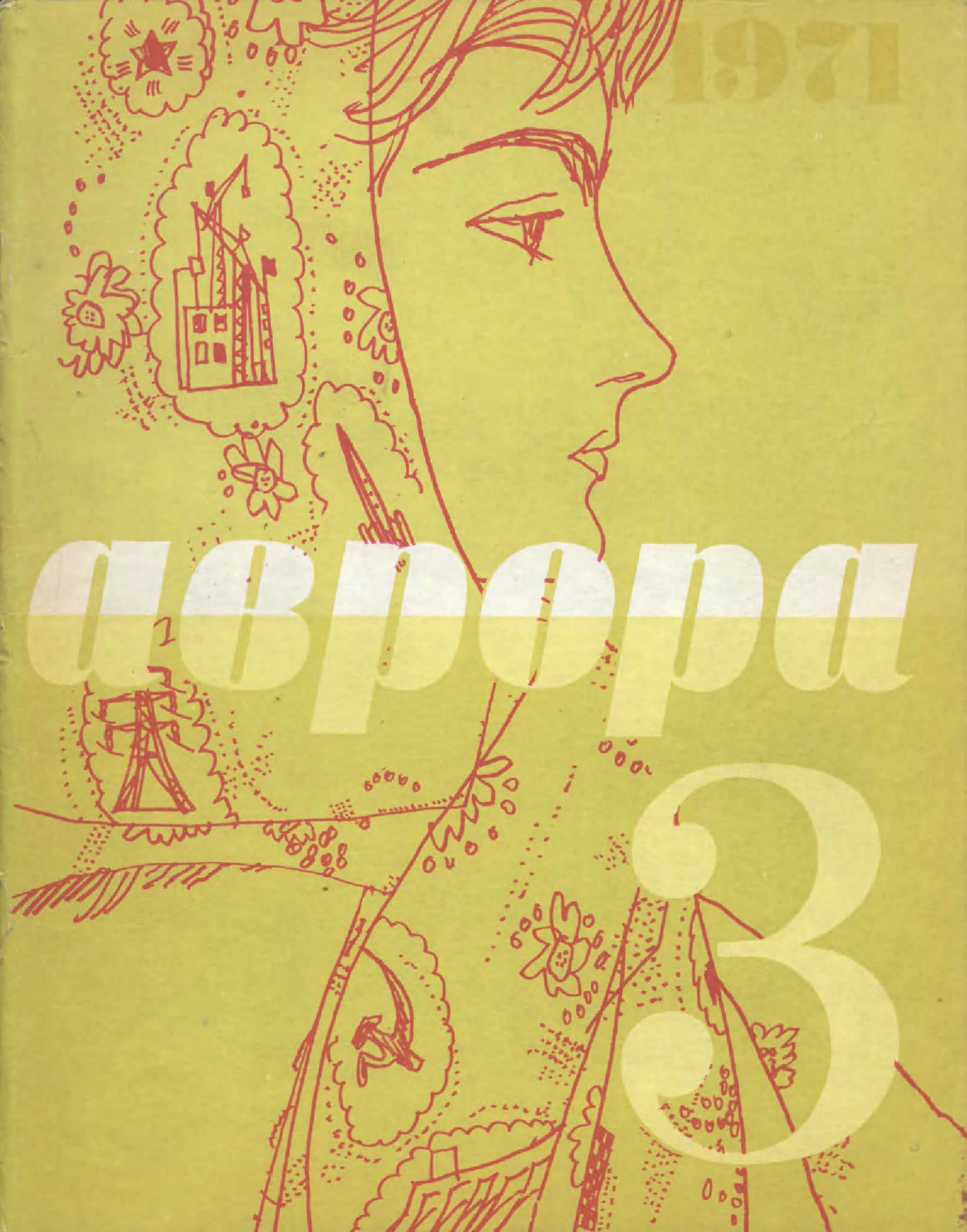

1971

вереса

3

ПРОЗА

Владимир Ляленков	12	Сложный объект. Повесть. Окончание
Виктор Колупаев	32	Газетный киоск. Фантастический рассказ
Айзек Азимов	62	Дуновение смерти. Роман. Продолжение

ПОЭЗИЯ

Олег Шестинский	2	В партии я с пятьдесят седьмого...
Евгений Еловигов	6	Работа. Рабочее утро. «Ломали стену на заводе...» «Вот на столе...»
Тамара Смирнова	7	Помните! «Ты, земля...»
Элеонора Сапожникова	8	Эстафета. Шлифовальный круг.
Валентин Петров	9	«Карандаша случайный росчерк...» «Кого она спасет...»
Клара Пономарева	10	«Стали с тобой мы и суше, и строже...» «Старят не годы...»
Владимир Пидгаевский	10	Учебная тревога. «Пожар!..»
Олег Когодовский	24	«Позавидуйте мне — я домой возвращаюсь...» Чернышевский. Год 1963. «...Нет ни краски на губах...» Слово к строителям Виллюйской ГЭС. «Отбивают секунды маятники...» «В горячке дел...» Земля моя
Нина Королева	31	Вторая поездка в Тюмень. «Раскроются створки. Повиснет шасси...» «Задержусь уравновесить дух...» «В приданое за дочерью моей...» «Пронзительно запела птица...»

аврора

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦЕ ВЛЕСМ,
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

3

Жак Превьер	48	Стихи в переводах Татьяны Мамоновой
Татьяна Гнедич	54	Из триптиха «Двадцатые годы»

ПУБЛИЦИСТИКА

По-комсомольски встречаю	3	Молодежь Ленинграда рапортует партии
XXIV партийный съезд		
100 000 интервью		Научно-технический прогресс и молодежь
Владимир Арро,	26	До свидания, башмачники!
Михаил Хейфец	38	Наследники Коммуны жили в России
Эрнст Генри	40	Заговор смелых

КРИТИКА

Беседа с поэтом Михаилом Сазоновым	6	В «литературном цехе» Кировского завода
Владимир Дмитриевский	50	Следы во времени

ИСКУССТВО

Марина Скларова	52	Быть полезным людям
Николай Нечаев	55	Одиссея одной антрепризы
Евг. Аб	58	Взгляд на афишу. Трагедия и сатира. Актер ансамбля
Олег Немиро	60	Его профессия — художник

„СЛОН“

Юмористический журнал в журнале	77	Выпуск десятый
---------------------------------	----	----------------

Рукописи не возвращаются. Адрес редакции: Ленинград, Д-187 (почтовый индекс 192197), Литейный пр., 9, телефон 72-23-41. М-34951
Сдано в набор 4/1 1970 г. Подписано в печать 22/II 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 96 200.
Зак. 906. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Глав-
полиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Измайловский пр., 29. Обложка отпечатана на
Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград,
Кронверкская ул., 7.

муне сквозь все наслоения фальшивок официальной императорской и зарубежной версальской пропаганды. Выдающаяся историческая заслуга этого поколения интеллигенции заключалась в том, что оно пыталось внести революционное сознание в самые народные массы!

Следственные и судебные протоколы регистрируют: участники «процесса 50» и «процесса 193» распространяли среди рабочих произведение Карла Маркса «Гражданская война во Франции» — самое выдающееся в то время исследование по истории Парижской коммуны.

Революционеры 70-х годов заплатили жизнями за то, чтобы принести в народ правду, в том числе и правду о Коммуне. Дошло ли оно, это слово, сквозь паутину официальной клеветы? Было ли понято темными мастеровыми людьми слово не о пятаке на рубль и не о кипятильнике в цехе, а об идеалах, о пролетарском братстве, о далеком и загадочном Париже, про который только и известно было в народе, что там «как приедешь — угоришь»!

В одном из номеров историко-революционного журнала «Былое» шестьдесят пять лет назад был опубликован следующий удивительный документ: «18 марта 1878 г. Одесса.

Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Парижской коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой идеи, для достижения которой погибло в 1871 году столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за... торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока у нас идет глухая неравная борьба, в которой гибнут медленной мучительной смертью... наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики священного дела народного освобождения... Вы были правы, когда в 1871 году говорили, что сражается за все человечество. Да, интересы всех народов так тесно связаны между собой, что торжество народа в одной стране повлечет за собой торжество народов во всем мире». Сменялись поколения революционеров. На смену народникам и народовольцам пришли социал-демократы. Идея братства рабочих Франции и России, идея единства того дела, которое предстоит завершить в будущем, укоренялась в массах. Она отчетливо видна, например, в новом приветствии, посланном из России коммунарам Парижа на исходе XIX века:

«18 марта 1896 г. Адрес от шестисот пяти рабочих города Москвы. Коммуна 1871 года, удивившая героизмом весь цивилизованный мир, вызвала сочувствие пролетариата всех стран... Русские рабочие горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции должен быть ими разрушен...»

В Ленинграде на Марсовом поле есть памятник Жертвам революции. Одна из надписей, высеченных над Вечным огнем, передает то историческое мироощущение, которое испытывали наши отцы, пятьдесят три года назад установившие свою власть над шестой частью мира:

К толпам якобинцев.
Борцов 48
К героям Коммуны
Ныне примкнули
Сыны Петербурга.

Эрнст Генри

ЗАГОВОР СМЕЛЫХ

1.

Девяносто лет назад, 1 марта 1881 года, в 2 часа 20 минут дня в проезжающую по набережной Екатерининского канала в Петербурге закрытую карету бросают бомбу. В карете царь Александр II. Экипаж останавливается, задняя стенка разбита в щепки, но царь невредим: его трясет нервная лихорадка. Сбегают прохожие, царь выходит на мостовую. Минуту спустя в него с расстояния в несколько шагов бросают вторую бомбу. Теперь все кончено. Самодержец всероссийский лежит на мостовой с раздробленными ногами. Через час он умирает. Человек, бросивший первую бомбу, арестован, бросивший вторую — смертельно ранен. На вопрос, заданный ему перед смертью, кто он и как его фамилия, он отвечает: «Не знаю».

В ту же ночь в Петербурге печатается прокламация за подписью «Исполнительный комитет «Народной воли». Исполнительный комитет заявляет, что царя казнил он. Нового царя, Александра III, предупреждают, что «историческая справедливость существует и для него, как для всех». Россия, «измученная самоуправством», «теряющая сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылках, в томительном бездействии, не может жить так далее»; народ требует простора и воли. «Напоминаем Александру III, — говорится в прокламации, — что всякий насильователь Воли Народа есть народный враг и тиран».

Вечером Петербург в панике. Театры, рестораны, трактиры закрыты, люди заперлись в своих квартирах. Что будет дальше? Дворец ждет восстания в городе. Полиция в боевой готовности, жандармы рыщут по домам, вся огромная армия дворников мобилизована, чтобы обнаружить местопребывание таинственного Исполнительного комитета. Восстания не происходит. Через несколько дней после цареубийства прежнего Исполнительного комитета уже не существует. Имена и адреса его членов выдает бросивший в царя первую бомбу арестованный мещанин Рысаков. 10 марта хватают руководительницу боевой группы — Софью Перовскую, 17 марта — руководителя динамитной лаборатории «Народной воли» Николая Кибальчича, еще раньше — хозяйку конспиративной квартиры организации Гесю Гельфман и члена боевой группы Тимофея Михайлова. Глава «Народной воли» Андрей Желябов схвачен еще за два дня до покушения.

3 апреля 1881 года Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова и Рысакова вздергивают на виселицу, установленную на Семеновском плацу. В тюрьмах и казематах ждут своей участи другие деятели «Народной воли». Последний оставшийся на свободе основатель Исполнительного комитета, женщина по имени Вера Фигнер, мечется по стране, пытается восстановить организацию. Два года спустя арестовывают и ее. На протяжении двадцати двух лет она сидит в одиночном заключении, в 1904 году выходит на волю и умирает под Москвой в 1942 году в возрасте 90 лет. Другой член Исполнительного комитета, Николай Морозов, схваченный до покушения, сидит в Шлиссельбургской одиночке двадцать пять лет, пишет труды по астрономии, физике, химии и математике, выпускает книгу стихов «Звездные песни» и умирает в возрасте 92 лет. Еще один, Михаил Фроленко, остается за решеткой двадцать пять лет; в тридцатые годы становится коммунистом; умирает в возрасте 90 лет.

Дело 1 марта 1881 года вошло в историю. Каждая деталь деятельности Исполнительного комитета «Народной воли» исследована на основе неоспоримых документов: материалов судебных процессов, воспоминаний участников и полицейских записей. Ученикам средних школ в наши дни задают уроки на эту тему. Все как будто давно изучено и проверено, почти ничего не осталось неосвещенным. У Исполнительного комитета «Народной воли», самой таинственной организации XIX века, давно нет больше тайн. И все-таки сегодня, девяносто лет спустя, об этой организации и о людях, которые в нее входили, хочется говорить опять. Такие люди не часто рождались в старой России. Их нельзя забывать.

Мы знаем довольно много почти о каждом из них, об их жизни и смерти, их мечтах и делах, их идеях и заблуждениях — заблуждений у них было немало. Но главное для современника в другом. Захватывающая, страшная романтика в биографиях этих людей так тесно переплетается с русской историей, что перед нами на точках пересечения как бы вспыхивают электрические огни: мы видим и отдельного человека и целую огромную мятущуюся страну. Происходит трагедия, превосходящая по глубине и драматизму великие творения Софокла, Данте и Шекспира, но совершающаяся наяву, в жизни. История часто пишет такие трагедии. Она это умеет как никто, и так по сей день она все еще движется вперед.

Люди, участвующие в этой трагедии, не знают, чем она кончится, кто погибнет и кто победит, не знают даже, что случится завтра, на следующее утро. Мы это знаем. Нам известно, что буря, пронесшаяся в восьмидесятые годы над Россией, всего лишь предвестник урагана, который нагрянет треть века спустя и сметет все ожившее на своем пути. Последний акт будет написан в 1917 году, и тогда история начнет писать заново. Но сейчас мы глядим на 1881 год. И сквозь мглу, охватывающую тогдашнюю Россию, мы видим силуэты удивительных людей — таких, каких в то время не было во всем остальном мире. Их глаза и сегодня глядят на нас. Членов Исполнительного комитета «Народной воли» в разное время было 29 человек, 19 мужчин и 10 женщин. Вот некоторые из них.

Андрей Желябов, член «распорядительной комиссии» — центральной тройки комитета. В 1881 году ему тридцать лет. Сын крепостного, дворовый мальчик, пробивший себе дорогу в Одесский университет. Душа Исполнительного комитета, его идеолог, организатор, пропагандист, конспиратор, глава, но не главарь: один из равных. Его слушают, потому что его мысль и огонь заражают всех. Ленин впоследствии ставит его в один ряд с Робеспьером и Гарибальди.

Желябов совершенно бесстрашен. Его арестовывают накануне покушения на царя; когда потом полиция, еще не осведомленная о его непосредственном участии в деле, сообщает ему об убийстве Александра II, он требует бумагу и пишет следующее заявление властям:

«Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой

случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения...

Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две».

Он считает виселицу — если ее поставят для других — своим правом. После подачи этого заявления Желябов спокойно засыпает в тюремной камере. На суде он произносит от имени «Народной воли» блестящую программную речь: судит он, а не царские судьи. Стоя на эшафоте перед виселицей, он смеется в лицо палачам. Дежуривший при его казни полковник лейб-гвардии граф фон Пфейль четверть века спустя пишет: «Я до сих пор вижу перед собой могучую умную голову Желябова».

Человек этот сродни Стеньке Разину и Емельяну Пугачеву. Он вышел из крестьян. Став разношестым интеллигентом, он не растрчивает, а удваивает свои силы. С такими людьми идут на смерть без колебания.

Софья Перовская, женщина, под непосредственным руководством которой совершается самая трудная и самая опасная из всех террористических операций. Именно она, узнав о неожиданном изменении маршрута царской кареты, спасает положение, моментально передвинув боевиков на новые места. Молодая женщина — ей 27 лет — действует как опытный военный руководитель на поле битвы — и побеждает. Сразу после террористического акта, еще не оправившись от волнений, она начинает думать о подготовке следующей операции: уничтожении нового царя. На это и на заботу о спасении организации от полиции устремлены теперь ее помыслы, хотя она знает, что ее любимый человек, Желябов, арестован и будет казнен.

Перовская из дворян. Ее отец — бывший петербургский губернатор, прадед — екатерининский вельможа. Первоначальные профессии — народная учительница и фельдшерница. Хрупкая, задумчивая, миловидная женщина, в лице что-то от совсем юной девушки, чуть ли не подростка. Мягкая женственность — и нечеловеческая, железная воля.

Участвует в трех покушениях на царя — под Москвой, в Одессе и в Петербурге, всегда на главном посту. Она может быть страшной. Для нее нет иной жизни, кроме той, которой она живет. Когда в перерыве между покушениями некоторые из ее старых знакомых советуют ей уехать за границу и там дожидаться лучших времен, она отвечает: «Нет, я предпочитаю быть повешенной здесь, чем жить за границей». Она знала, что с ней будет.

На допросе после ареста заявляет, что в день покушения не имела при себе бомбы только потому, что ей не хватило. Это не так, но, как и Желябов, она хочет подчеркнуть свою личную ответственность за убийство, уменьшив ответственность других. Матери при встрече говорит: «Помни, мамочка, что я с радостью встречу смерть. Единственное, чего я боюсь, это помилования». Вот отрывок из ее письма к матери за двенадцать дней перед повешением:

«...Меня все давит и мучает мысль, что с тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя ради всех окружающих тебя и ради меня также. Я о своей участи несколько не горюю, совершенно

спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно так будет. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, что предстоит мне... Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь слишком сильно бранить...»

Читая эти строчки, почти физически видишь ту, которая их писала. Такие женщины бывают. Мир лучше из-за них.

Александр Блок писал о Перовской в «Возмездии»:

...Вот кто-то вспыхнул папироской:
Средь прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — все просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...

Стоя на Семеновском плацу перед виселицей, она, как телеграфирует в Лондон корреспондент газеты «Таймс», остается совершенно спокойной. Целует других осужденных, всех, кроме предателя Рысакова. Эта маленькая, нежная и несокрушимая женщина сделала, что хотела.

Софья Перовская непохожа на женщин-героинь других эпох и стран. Она не Жанна д'Арк, в ней нет мистики; не Луиза Мишель — пафос, даже революционный, ей не к лицу; не Роза Люксембург — научно-теоретический анализ не ее стихия. В ней только безграничная жертвенность и безграничная решительность. Это иногда больше всего другого. Людей ее склада никто не ломает, даже самые близкие. Революции начинаются с таких людей, как Перовская и Желябов. И таких, как Николай Кибальчич.

Сын священника, ученый, 27 лет. Не входя в Исполнительный комитет, он ведал арсеналом организации: сам изготавливает бомбы и взрывчатку. Изготавливает их с таким искусством, что на суде поражает седовласых экспертов царской артиллерии: в труднейших, «невозможных» условиях достигает того, что другим не удается в самых современных, оборудованных всем необходимым лабораториях. «Мы никогда не видели метательных снарядов такого типа», — заявляют на суде эксперты.

Человек этот, судя по всему, действительно гениальный ученый, который только начинает исследовать и изобретать. Что бы он дал России и миру, если бы не был повешен! Отзыв того же лейб-гвардейца графа фон Пфейля: «Это был выдающийся, богом одаренный человек». Слова присутствовавшего на суде царского генерала: «Что бы там ни было, что бы они ни сделали, но таких людей нельзя вешать. А Кибальчича я бы засадил крепко-крепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими изобретениями».

Ему не позволили стать ни Галилеем, ни Кампанеллой. Но что-то он все-таки изобрел — в самые последние недели перед казнью. Когда в камеру к нему приходит назначенный судом адвокат, Кибальчич передает ему стопку бумаг. Адвокат потрясен:

это не прошение о помиловании, а «Проект воздухоплавательного прибора» — самолета с реактивным двигателем. Как известно, окончательно такой самолет был изобретен не раньше второй мировой войны. Кибальчич пишет в своем заявлении властям: «Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в существование моей идеи... Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества...»

Царский министр граф Лорис-Меликов пишет на проекте Кибальчича резолюцию: «Давать это на рассмотрение ученых теперь едва ли будет своевременно и может вызвать только неуместные толки». Проект реактивного двигателя кладут под сукно, человека, который мог бы на века прославить свою страну, быть может, сделать ее первой в ряду цивилизованных государств, везут со скрученными за спиной руками на эшафот.

Но, став перед виселицей, он не обращает на нее внимания. По рассказам очевидцев, Кибальчич в последние минуты держится так, как будто происходящее на эшафоте не имеет к нему никакого отношения. Возможно, он думал о том, что люди все-таки полетят на ракетных аппаратах.

2.

Таковы были главные участники дела 1 марта и их соратники; мы назовем еще других. Кого в России они представляли? Можно ли сказать, что это были блестящие одиночки, большие, героические люди, но все же отщепенцы в тогдашнем русском обществе?

Нет. Они представляли лучшее, что было тогда в этом обществе.

«Народная воля» не была массовой организацией. В ней числилось около 500 членов, по всей стране к ней примыкало еще несколько тысяч человек. Небольшие тайные кружки действовали почти в пятидесяти городах; имелись также особые группы рабочих, студентов и военных, возглавлявшиеся непосредственно членами Исполнительного комитета. Это, несомненно, была замкнутая организация немногих избранных. Но за этой законспирированной революционной элитой стояли две мощные общественные силы: студенческая молодежь и интеллигенция. Без поддержки с той и другой стороны «Народной воли» никогда бы не существовало. А поддержка — больше того, кровное родство с этими двумя силами значили в помещичье-бюрократическом государстве очень много.

Молодежь была душой «Народной воли», двигателем всей организации. Исполнительный комитет состоял почти исключительно из недавних студентов. За исключением трех или четырех лиц, все члены комитета были моложе 30 лет. Желябову было 30, Перовской — 27, Вере Фигнер — 29, Морозову — 27, Кибальчичу — 27, убитому Александру II Гриневскому — 25, другому участнику боевой группы Тимофею Михайлову — 21, еще одному боевику, рабочему Халтурину, — 25, арестованному в 1880 году члену центральной тройки и главному конспиратору комитета А. Михайлову — 26, и так далее. И эти молодые люди, почти еще юноши, сумели создать организацию, потрясшую всю Россию.

При этом дело было не только в них самих. «Народная воля» была близкой организацией для де-

сятков тысяч юношей и девушек — таинственной, скрытой, почти легендарной, но своей. Молодежь в университетах, в школах, кое-где даже в военных частях верила народovolцам — им помогали, их скрывали, за них с готовностью шли на риск, в тюрьму и даже на смерть. Влияние Исполнительного комитета на молодежь можно назвать магнетическим.

Из этой среды организация и черпала свои кадры. Молодежь создала «Народную волю», и удар по «Народной воле» оказался ударом по молодежи, т. е. таким, который не мог убить революционное движение. Молодежь бессмертна. Как мы знаем, революционно настроенное молодое поколение в России оправилось от разгрома «Народной воли» уже десяток лет спустя, сближаясь с рабочим движением и создавая марксистские кружки. Вспомним, что еще позже, в 1903 году, из девятнадцати делегатов-большевиков с решающим голосом на II съезде РСДРП семнадцать были моложе 34 лет, а девять из них — моложе 30 лет.

Второй, и не менее важной опорой «Народной воли» была передовая интеллигенция. Оба слоя смыкались; отделить прогрессивную молодежь от интеллигенции трудно. Разночинцами называли тех и других. Но старшая интеллигенция была в тогдашней России силой и сама по себе, проникавшей в структуру общества, разумеется, глубже, чем поколение молодых. Союз с ней был для «Народной воли» политически исключительно важен, и такой союз несомненно существовал.

Конечно, интеллигенция в те времена еще не занимала в российском обществе такие важные позиции, как в нашу эпоху, когда научно-техническая революция связывает значительную часть принадлежащих к ней людей с производством. Это была еще старая, «чеховская» интеллигенция: преимущественно учителя, врачи, фельдшеры, литераторы, земские работники, адвокаты, некоторое число инженеров, армейских офицеров. Но и чеховская интеллигенция что-то значила в России восьмидесятых годов. Не все из ее среды ограничивались бесплодными разговорами за чайным столом в вишневых садах. Такие выдающиеся корифеи интеллигенции, как Чернышевский, Добролюбов, Герцен, ранний Тургенев, Писарев, Михайловский, были большой реальной силой в стране, к ним прислушивалась вся Россия. Желябов, Перовская и их соратники считали себя их идейными учениками. Михайловский, которого Ленин назвал одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века, был непосредственно связан с Исполнительным комитетом «Народной воли». Трудно полностью оценить роль, которую в предыстории 1 марта 1881 года сыграла русская литература.

Старшая интеллигенция не обладала физическим мужеством и решительностью молодежи. Тем не менее близость «Народной воли» к идеологам интеллигенции неизмеримо увеличивала вес этой маленькой организации. За спиной тех, кто казнил царя, стояли властители дум русского общества — мыслители, обладавшие не только огромной силой убеждения, но и глубочайшим, непревзойденным чувством совести. Отсюда истоки того морального бесстрашия молодых русских революционеров, которое так изумило всех в мире. Эти люди были не только предельно смелы, они были предельно честны. Царская полиция ничего не могла с ними поделать. Их нельзя было ни согнуть, ни купить. Они были горды силой своей совести.

«Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по при-

роде, — сказал в октябре 1880 года судьям Петербургского военно-окружного суда член Исполнительного комитета «Народной воли» Александр Квятковский, участвовавший вместе с Желябовым в попытке взрыва Зимнего дворца. — Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими... Полная невозможность какой бы то ни было общественной деятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться свободой своих убеждений, свободой жить и дышать, заставила русских революционеров, русскую молодежь, по своим наклонностям самую гуманную, самую человечную, пойти на такое дело... В этом заключается только реакция природы против давления. Так лучше смерть и борьба, чем нравственное и физическое самоубийство».

Несколько дней спустя Квятковского повесили. Так глядели на политику, на жизнь и смерть — свою и чужую — члены Исполнительного комитета. «Самая гуманная, самая человечная молодежь» — это и были они и их сторонники. И если спросить, что, помимо убеждений и отваги, было общего в этих людях, то ответ все тот же: моральная чистота.

Стоит остановиться на этой стороне вопроса.

В уставе Исполнительного комитета от его членов в первых четырех пунктах требовалось:

«1. Отдать все духовные силы свои на дело революции, забыть ради него все родственные узы и личные симпатии, любовь и дружбу.

2. Если это нужно, отдать и свою жизнь, не считаясь ни с чем, не щадя никого и ничего.

3. Не иметь частной собственности, ничего своего, что не было бы вместе с тем и собственностью организации, в которой состоишь членом.

4. Отдавая всего себя тайному обществу, отказаться от индивидуальной воли, подчиняя ее воле большинства, выраженной в постановлениях этого общества».

Пусть некоторые из этих выражений звучат, на слух современника, несколько наивно и преувеличенно — важна суть и важно то, что такие правила не только писались, но и строго добровольно выполнялись.

Есть и другие, личные свидетельства, говорящие о нравственном уровне людей 1 марта. Петр Кропоткин рассказывает в своих воспоминаниях, как строился кружок, в котором участвовала Перовская и который потом вошел в «Народную волю». Считалось, что только «нравственно развитые» люди могут участвовать в организации. Прежде чем принять нового члена, обстоятельно обсуждался его характер. Принимались только те, кто ни у кого не вызывал никаких сомнений. Малейшего признака неискренности (надо думать, и таких свойств, как тщеславие, эгоизм, властолюбие) со стороны кандидата было достаточно, чтобы его отвергнуть.

Большое значение придавалось понятиям революционной чести и товарищеской верности. На том же суде, на котором Квятковский говорил о гуманности и человечности передовой молодежи, другой член комитета, 24-летняя Софья Иванова-Борейша, сказала: «Единственное мое желание — чтобы меня постигла та же участь, как моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь». Кропоткин пишет: «За исключением двух-трех, все женщины нашего кружка сумели бы взглянуть смерти бесстрашно в глаза и умереть, как умерла Перовская».

Или жить, как жила в каменном мешке Шлиссельбургской крепости Вера Фигнер. Когда в 1903 году, после 20-летнего заключения, в ее камеру входит

комендант и сообщает, что по просьбе матери она через некоторое время будет освобождена, она немедленно спрашивает: «Это общая мера (т. е. амнистия. — Э. Г.) или относится только ко мне?» — «Только к вам», — говорят ей. «Я была возмущена, оскорблена, — вспоминает впоследствии Вера Фигнер. — Первым порывом было — порвать всякие отношения с матерью. С ней, любимой! С ней, разлука с которой доставила мне столько страданий!»

Так понималась честь революционера.

О Перовской Кропоткин пишет:

«Когда она была недовольна кем-нибудь, то бросала на него строгий взгляд исподлобья, но в нем виднелась открытая, великодушная натура, которой все человеческое было доступно. Только по одному предмету она была непреклонна. «Бабник», — выпалила она однажды, говоря о ком-то, и выражение, с которым она произнесла это слово, не отрываясь от работы, навсегда врезалось в моей памяти».

Это была не только высокая нравственная требовательность, не просто личный аскетизм, некое революционное монашество — это была решимость наглухо закрыть двери организации нечистоплотным. Народовольцы понимали, что от моральной нечистоплотности до политической — один шаг. Скидок на «бытовые слабости» не делалось, «личные» недостатки не считались второстепенными. Девятем «Народной воли» было известно, что предателями, карьеристами, ренегатами почти неизменно оказывались те, кто был грязен или не совсем честен в личном отношении.

Не случайно, что в ряды народовольцев до акта 1 марта 1881 года не сумел затеяться почти ни один провокатор. Труссы были — таким после ареста оказался не входивший в Исполнительный комитет Рысаков, бросивший первую бомбу в Александра II; таким, тоже после ареста, стал участник покушения на царя в 1879 году Окладский. Были и слабые, невыдержанные характеры: например, несчастный Гольденберг (тоже не из членов Исполнительного комитета), начавший в тюрьме под влиянием искусно поддерживавшегося полицией психоза раскрывать секреты организации и затем покончивший с собой. Провокатор Дегаев явился уже тогда, когда «Народная воля» была разгромлена полицией и отбор участников не мог производиться с такой же строгостью, как раньше. Даже Дегаев, однако, попытался потом искупить свою вину, убив совратившего его полицейского инспектора Судейкина. Но эти случаи были исключением.

На основе документальных данных, в частности судебных отчетов, можно с уверенностью сказать, что члены Исполнительного комитета и их соратники выделялись не только политической стойкостью, но и удивительным благородством характера. Без этого они не смогли бы сделать того, что сделали. Их редкостная смелость происходила из того же источника. Революционеру, которому грозит виселица, быть смелым, как известно, труднее, чем солдату, которому смерть грозит на поле битвы. Но готовность людей 1 марта к самопожертвованию действительно убивала страх. Народовольцы были ни в чем не похожи на карикатурных, кричавшихся псевдореволюционеров, выведенных Достоевским в «Бесах» после процесса нечаевцев. Герои «Бесов» были интриганам, психопатами и изуверами. Нечаев, попавший на каторгу задолго до основания «Народной воли», действительно считал главным в революционном движении хитрость, обман и слепое подчинение деспотическому руко-

водителю. Он допускал и уголовщину, свое «я» ставил на первое место. Но Нечаев — антипод Желябова и Перовской. Деспота такого типа среди членов Исполнительного комитета не было — они все были равны между собой и много не мыслили.

Когда читаешь предсмертное письмо Перовской к матери, заключительную речь Квятковского на суде или письмо Кибальчича перед казнью о «воздухоплавательном приборе» и потом перечитываешь «Бесов», направленных не только против Нечаева, но против тогдашних русских революционеров вообще, то видишь, как неправ был великий писатель, сам когда-то принадлежавший к их предшественникам — петрашевцам. Он так и не понял — я думаю, — не захотел понять — души людей, по сравнению с которыми его Алеша Карамазовы были ничтожествами. Когда Желябова на суде спросили о его вероисповедании, он ответил, что православие отрицает, но «бороться за правду, за права угнетенных и слабых, если нужно, за них и пострадать» готов. Он доказал эту готовность своей жизнью. Пусть автору этих строк будет дозволено короткое литературное отступление. Он считает, что тот, кто в легенде Достоевского пришел к Великому Инквизитору и был им сожжен на костре, признал бы своим по духу и делу не Алешу Карамазова, а Желябова.

Мораль — это нечто такое, что имеет прямое отношение к революции и революционерам. Марксизм никогда не сдавал это понятие буржуазии, никогда не отрицал значения этики. Напротив, этика неотделима от революционного социализма, и недооценка этого критерия в деятельности революционеров может принести большой вред. Люди 1 марта еще не были марксистами, но морально-политический критерий был, тем не менее, поднят ими на большую высоту.

Ленин называл их героями; по воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, он «питал всегда большое уважение к старым народовольцам... и от «наследства» их никоим образом не отказывался».

«Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу, — писал Ленин, — не пропадали даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»

Маркс в письме к дочери 11 апреля 1881 года, через неделю после казни, называл народовольцев «резными людьми, без мелодраматической позы, простыми, деловитыми, героическими».

Это были настоящие революционеры. Среди них не было ангелов во плоти. Ангелы для революционной работы не годятся. Но это были мужчины и женщины, вся жизнь которых, все мысли и чувства были направлены к одному: к свержению тирании. Они были верны своему уставу. Один за другим, спокойно, не глядя назад, не коря народ, который не пришел к ним на помощь, с глубокой, непоколебимой верой в будущее живых они шли на эшафот.

Почему же они потерпели поражение? Почему их сильная, как бы заряженная электричеством организация погибла?

Оказалось, что смелость и моральная чистота — еще не все. Эти удивительные, самоотверженные революционеры не были хорошими политиками.

3.

Если исходить из основ элементарной революционной стратегии, то акт 1 марта 1881 года мог привести к какому-то реальному политическому успеху

только при одном условии: если бы царевубийство стало сигналом к народному восстанию, хотя бы в одном Петербурге. Иначе все теряло смысл. Восстания не произошло. Мало того: выяснилось, что никакого плана предпринять революционные действия в столице после убийства Александра II у Исполнительного комитета вообще не было. Иначе говоря, революционеры кончили там, где, по существу, должны были начать. С точки зрения современника это поразительно, но это факт.

Сигнал был дан. Уже говорилось, что 1 марта Петербург был в смятении. Власти в первые часы были растеряны. Случившееся было для них неожиданным: бюрократы никогда по-настоящему не вглядываются в будущее. И справа, и слева ждали бунта. Особенно волновались студенты. Медичка Валентина Дмитриева, впоследствии писательница, вспоминает: «Казалось, что вот сейчас что-то должно начаться... Революция, баррикады... Надо что-то делать, куда-то бежать...»

Передовая интеллигенция была после уничтожения царя настолько уверена во всемогуществе Исполнительного комитета, что писатель Глеб Успенский сказал тогда члену комитета Вере Николаевне Фигнер: «Что с нами сделает теперь Вера Николаевна?»

Ждали чего-то и в рабочих кварталах. Как рассказал впоследствии писатель-народоволец Иван Попов, многие рабочие говорили, что подымать восстание надо, даже если неизвестно, чем оно кончится. «Были люди, — пишет он, — которые считали, что если бы у революционеров были небольшие организованные группы рабочих и их вывели бы на улицу, то результаты могли получиться самые неожиданные». Петербургский предводитель дворянства граф А. Бобринский записал 2 марта в своем дневнике: «Чем защищаться от этой несчастной группы убийц, видимо, решившейся на все?»

Царская бюрократия дрожала от страха. Вначале она отнюдь не была уверена в своих силах. Конечно, полиция уже действовала вовсю, меры против восстания были приняты немедленно. Уже несколько дней спустя, как записывала тогда генеральша Богданович, в Петербурге было «везде столько полиции, столько войска, что через них трудно [было] что-либо видеть».

Но народного восстания не произошло ни первого, ни второго марта. Кроме выпуска прокламации к народу, публичного обращения к новому царю и мер по обеспечению сохранности организации и ее членов, Исполнительный комитет после покушения ничего важного не предпринял. Потом уже было поздно.

«Народ безмолвствовал и не понимал, — писала много лет спустя Вера Фигнер. — Общество молчало, хотя и понимало... [Мы] остались одиноки. Подобранные и организованные силы, немногочисленные по составу, но дерзновенные по духу, были сметены с арены жизни, раздавлены и уничтожены... Вся организация партии Народной воли, поскольку она не была истреблена, представляла обломки... Тайное общество, стремившееся сломить автократию, потрясавшее своей деятельностью не только родину, но волновавшее и весь цивилизованный мир, лежало поверженное...»

Почему все так получилось?

Некоторые народовольцы и их друзья ссылались тогда и впоследствии на то, что у Исполнительного комитета для восстания не хватало сил. Указывалось, например, что в Петербурге и Москве число людей, готовых выступить на его стороне с оружием в руках, не превышало 500 человек.

По-видимому, так оно и было, хотя предугадать число восстающих и к ним присоединяющихся никогда нельзя. Пусть людей не хватало. Но это еще не ответ.

Почему их было так мало? Почему Исполнительный комитет, пользовавшийся таким влиянием в передовом русском обществе, в частности среди молодежи, не сумел заблаговременно организовать хотя бы ударные боевые группы для развертывания народного восстания? Только потому, что на это не было достаточно времени и кадров? Нет, главной причиной было другое. Исполнительный комитет вообще не планировал восстание в Петербурге и поэтому не выделил на это кадров. Он не считал восстание своей непосредственной целью или хотя бы задачей номер два, и это было не случайно. У него был другой план.

Не надо недооценивать революционеров такого калибра, как Желябов. Он был не только практиком-боевиком, но и революционным стратегом. Не подлежит никакому сомнению, что план Желябова предусматривал не просто один-единственный акт против Александра II, а ряд таких же устрашающих правительство действий. Известно, что в Исполнительном комитете он выступал за «непрерывность действий», т. е. за систематический террор против трона. Он считал, что такой террор царское правительство долго выдержать не сможет. После устранения Александра II намечалось покушение на его преемника — на этом особенно настаивали Перовская и Фигнер.

Авторы этой стратегии устрашения, очевидно, рассчитывали на то, что доведенный до отчаяния, впавший в панику противник просто сам капитулирует и ждать народного восстания не придется. Это подтверждается их письмом к Александру III. По свидетельству народовольца П. Семенюты, Желябов считал, что «история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать», т. е. не ждать масс: пока «не раскачался мужик», нужен индивидуальный террор. В принятой на учредительном съезде «Народной воли» в Липецке программе так и было записано: «Мы будем бороться по способу Вильгельма Телля». На последовавшем затем съезде в Воронеже член Исполнительного комитета, единомышленник Желябова Морозов заявил, что «нескольких Шарлотт Корде и нескольких Вильгельмов Теллей» будет вполне достаточно.

Мы знаем, что подобные теории о действиях «малыми силами», известные под названием «партизанской стратегии» и иными, существуют по сей день. К успеху они, как правило, не ведут. Не удался в 1881 году и план Желябова. Так как весь расчет Исполнительного комитета был построен на индивидуальном терроре, а следовательно, на существовании узкой, герметически законспирированной организации, специализирующейся на этом деле и не располагающей массовой базой, то первые же удары врага, первые же, хотя бы случайные, провалы неминуемо должны были ее расстроить. Так и произошло.

Случайная неосторожность Желябова, зашедшего на только что выслеженную полицией конспиративную квартиру, привела к его аресту. Такая же неосторожность еще до того погубила виднейшего члена Исполнительного комитета А. Михайлова, непредвиденная измена трусившего Рысакова погубила Перовскую, Кибальчича и других. Головка организации была разбита, а ее обломки, по выражению Веры Фигнер, к новым действиям крупного масштаба уже не были способны. Покушения

на Александра III не последовало, и весь дальнотой замысел Желябова был сорван.

Видимо, накануне развязки он начал предчувствовать это сам. «Мы проживаем капитал», «мы затерроризировались», — говорил он в минуты сомнений своим единомышленникам, но остановиться уже не мог.

Конечно, в основе «стратегии Вильгельма Телля» лежали не какие-либо личные ошибки Желябова и его сподвижников, а глубокие классовые причины. У революционеров того времени не только не было, но и не могло быть действительно широкой массовой организации. Для каждой революции свое время и свой класс. Сколько раз это подтверждалось историей! Теперь мы все это знаем. Таким истинам учат школьников. Хотя народолюбцы отражали интересы и думы крестьян, они не считались со временем и не вели за собой массы. Считать классовой базой интеллигентов-разночинцев не было, руководить массами они не умели. Они представляли только самих себя. Если бы даже на одного Желябова приходились сотни людей, готовых идти на баррикады, а на одну Перовскую — тысячи юношей и девушек, занимавшихся революционной пропагандой «в народе», то для страны со 100-миллионным населением это было катастрофически мало. В 1881 году в России еще не было класса, который мог бы развязать революцию. Крестьянство, на которое так рассчитывали народники тех лет и анархисты типа Бакунина, революционным классом не было. Крестьяне хотели земли и при случае бунтовали, они ненавидели помещиков и чиновников, но подыматься на «богоданную» царскую власть не думали. Желябов прекрасно понимал это, когда говорил, что мужик «еще не раскачался». Мужик раскачался тридцать шесть лет спустя, когда вступил в союз с рабочим классом.

Рабочий класс при Александре II только еще становился на ноги. Он уже начинал выступать против фабрикантов и полиции, но слияние рабочего движения с социализмом началось десятки лет спустя. Передовая интеллигенция была слишком малочисленна и не владела четким политическим мышлением; ей тоже еще предстояло пройти долгую и мучительную политическую школу. Где же Желябову и Перовской было найти массы? «Народная воля» была тайным обществом, а не политической партией, какой она себя называла. Классовая структура тогдашней России закрывала ей дорогу к революции. Тем самым судьба Исполнительного комитета была предрешена.

Бланкизм никогда и нигде не ведет к успеху, в каких бы формах и вариантах он ни выступал, как бы смелы и честны ни были его сторонники. Государственную власть в большой стране не захватывает организация из нескольких сотен или тысяч человек. Так можно только растратить бесценный кадровый капитал. Смелчаки больше всего нужны тогда, когда за ними идут массы.

Желябов и Перовская делали все, что могли. Они хотели испугать царскую клику и вынудить ее к сдаче. Но и для устрашения нужно иметь достаточно сил и действовать по правильному политическому и стратегическому плану. Индивидуальный террор редко, можно сказать — почти никогда не ведет к тому, к чему стремятся террористы. Зато он почти неизменно, с какой-то закономерной силой, рикошетом ударяет по тем, кто за революцию. Развязывается бешеная реакция. Это и произошло в России после 1 марта 1881 года.

Накануне событий царский режим переживал тяжелый кризис. После восстания декабристов Россия во второй раз стояла перед революционной ситуацией. Здание монархии дрожало. Петербургские бюрократы уже не были уверены в самих себе. Править страной так, как они правили до тех пор, становилось трудно. Огромная крестьянская масса все еще верила в царя, но еще тверже верила в то, что помещичья земля должна быть передана ей. Тридцать четыре губернии были охвачены стихийными крестьянскими волнениями. Помещики вырождались. Собакевичи уходили в города, где становились промышленниками, Плюшкины разорялись, Ноздревы еще кутили, но проживали последнее, тургеневские дворянские гнезда пустели. Земство и либеральные дворяне играли в оппозицию, городская молодежь бурлила, интеллигенция открыто переоценивала ценности. Белинский, Герцен, Добролюбов, Писарев были мертвы, Чернышевский — в ссылке, но их идейное влияние стремительно росло. Правительство не знало, за что взяться. Полиции и войска было сколько угодно, но сидеть на вулкане за их спинами было все-таки страшно.

Установлено, что к весне 1881 года двор, побуждаемый не в последнюю очередь страхом перед «Народной волей», был готов к некоторым половинчатым уступкам обществу. Главный царский министр граф Лорис-Меликов стал толковать о смягчении режима и предвещать «реформы». Готовились какие-то мероприятия для «умиротворения страны». Утром 1 марта 1881 года, за несколько часов до покушения, Александр II одобрил предложенный Лорис-Меликовым «Проект извещения о созыве депутатов от губерний» для обсуждения намеченных поблажек. 4 марта ожидалось решение совета министров.

Акт 1 марта все перечеркнул. Оправившись от испуга, реакция сразу же с бешенством бросилась в атаку. Виселицы устанавливались по всей стране, вместо «умиротворения» пришла диктатура полиции. Проект Лорис-Меликова был сдан в архив, сам он и другие умеренные министры — Милютин и Абаз — вскоре уволены в отставку. 29 апреля 1881 года Александр III в специальном манифесте объявил о незыблемости самодержавия. Царь показывал стране кулак. И то, что началось, должно было теперь продолжаться 25 лет, вплоть до революции 1905 года, фактически же, если не считать этот короткий перерыв, 36 лет — вплоть до февраля 1917 года.

«Мне хотелось умереть», — вспоминала впоследствии о тех днях Вера Фигнер. Все планы «Народной воли» пошли прахом. Александр III был хуже Александра II. Народ продолжал безмолвствовать. «Революционеры исчерпали себя 1-м мартом», — писал потом В. И. Ленин. Кончив там, где должны были начать, они проиграли сражение. Подтвердилось, что террор без восстания не только бесполезен, но и вреден, что исходить из одних лишь чувств и из своего нетерпения революционерам не дозволено. Трагедия «Народной воли» в том и состояла, что беспримерная смелость и самоотверженность ее деятелей дали результат, противоположный намеченной цели.

Уцелевшие участники организации рассказывали потом, что когда за год с лишним до покушения на набережной Екатерининского канала, в ночь на 1 января 1880 года, члены Исполнительного комитета собрались в конспиративной квартире на Гороховой для празднования Нового года, они пропели известные строфы:

Я видел рабскую Россию
перед святыней алтаря:
гремя цепями, склонивши выю,
она молилась за царя...

Предчувствовали ли они, что произойдет?

4.

Значит ли все это, что для русских революционеров начала восьмидесятых годов выхода не было? Нет, выход был.

Теперь, задним числом, мы знаем, что надо было им делать. Надо было собирать силы и готовиться, но не к террористической игре ва-банк. Надо было занимать позиции и формировать кадры. Набравшись терпения, надо было по всей стране организовывать преданных революционеров, отбирать опытных, уверенных руководителей и не бросать их преждевременно в неравный бой. Но прежде всего надо было налаживать, расширять связь с рабочим классом. «...Без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы», — сказал потом Ленин.

Надо было сближаться с рабочими повсюду, где уже существовала или возникла промышленность, в первую очередь в столице, и крепить контакты со студенчеством. Надо было терпеливо изучать уже проникавшую в Россию марксистскую литературу, вести политику на основе научного анализа, создавать настоящую политическую партию, возглавляемую профессиональными революционерами, и готовить ее к тому уже приближавшемуся моменту, когда царский режим, ринувшись в очередную военную авантюру, должен был сам помочь в создании острой революционной ситуации.

Этого сделано не было. Желябов, Перовская и их сподвижники пришли раньше, чем история была для них готова, и «подтолкнуть» ее не удалось. В этом опять-таки заключалась их трагедия.

Мы думаем об этих людях и чувствуем, что они дороги нам. Мы любим их за человеческую чистоту и безграничную, гордую смелость. Нельзя не любить Софью Перовскую. Нельзя не преклониться перед огненной волей Андрея Желябова, Николая Кибальчича, Александра Михайлова, Александра Квятковского, Веры Фигнер, Николая Морозова, Геси Гельфман. Это были лучшие люди русской молодежи, не знавшие себе равных во всем тогдашнем мире. Они выбрали не ту дорогу, но они остались гордостью России XIX века.

Студентка Дмитриева, стоявшая на улице, когда мимо на пути к виселице проезжала повозка со связанными руководителями «Народной воли», писала много лет спустя:

«Они прошли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы — такой внутренней мощью, такой непоколебимой верой в правоту своего дела веяло от их спокойных лиц. И я ушла с ярким и определенным сознанием, что их смерть — только великий этап на путях великой русской революции и что ни грохот солдатских барабанов, ни тяжелая пята реакции не заглушат и не остановят грядущие грозы и бури».

Не заглушили. Не остановили. Нельзя сомневаться, что умирать этим людям было легче, чем тем, кто их вешал, или тысячам царских Иванов Ильичей, умиравших, не зная, зачем жили. Люди 1 марта знали.

Петр Кропоткин в «Записках революционера» рассказывает, что Перовская однажды сказала ему: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо». Во всем мире дело это делается по сей день.

ВЛАДИМИР СТАРОВ.
«Парижская Коммуна».

Лист из серии
«Коммунистический
манифест —
великая хартия
рабочего класса»

На первой странице обложки —
рисунок **МИХАИЛА МАЙОФИСА**

аврора

Главный редактор Н. КОСАРЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. АЛЕКСЕЕВ, О. БЕРГГОЛЬЦ, В. ВЕТРОГОНСКИЙ, А. ГРИЩЕНКО, В. ДМИТРЕВСКИЙ,

М. ДУДИН, В. ЖИТЕНЕВ, П. КАПИЦА, В. КЕТЛИНСКАЯ, Р. МАЛОЗЕМОВ, Б. НИКОЛЬСКИЙ,

С. ОРЛОВ, А. ОСТРОВСКИЙ (зам. главного редактора), Ю. РЫТХЭУ, А. ТУПИКИН,

А. ШАРЫМОВ (отв. секретарь), В. ШОШИН.

Художественный редактор Г. КОВЕНЧУК.

Технический редактор З. ОГАНОВА. Корректор Г. ЛЕБЕДЕВ.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

